

стей санскритизации рассматриваются как посторонние, чужеродные, мешающие национальному развитию элементы. Это всегда происходит под влиянием добрахманических элит и в их интересах.

Вызов брахманам как самым образованным слоям общества пришел со стороны *каястха* (Kāyastha, букв. «стоящие около тела (своего начальника)», чиновный люд). Это широкий слой каст и *джати*, и к настоящему времени они добились для себя места сразу вслед за брахманами. Они представляют собой конкурентов мирским категориям брахманов и возвысились в ходе разных связанных с активизацией государственной власти мероприятий. Они упоминаются в источниках начиная с периода Гуптов как деловые люди государства: чиновная бюрократия, финансовые распорядители, знатоки законодательства, министры, а также писцы, счетоводы, делопроизводители и знатоки всякой иной светской грамотности на так называемых региональных языках общения и делопроизводства. Санскрит таковым не был — это священный язык. *Каястха* писали документы, налоговую отчетность, помогая всем властям: на высоких министерских должностях могли сидеть брахманы, но они вряд ли составляли бумаги. «К IX в. *каястха* развились в касту, но получили невысокий ритуальный статус, потому что считалось, что происходят они от союзов брахманов с *шудрами*» [Thapar 1974: 112]. Уже к XI в. они стали чрезвычайно распространенным комплексом *джати*, и многочисленные *джати каястха* с эпитетами топонимического типа (*Гауда каястха* и т. п.) процветали в разных государствах при разных династиях. Чем больше возникало государств, тем больше становилось *каястха*. В средние века этот кастовый слой уже не смущаясь объявлял себя «мирскими» брахманами.

Сегодня во многих локальных иерархиях, особенно в городских схемах общения, *каястха* стоят на первых местах, даже выше, чем брахманы, и я пока не знаю объяснения этому явлению.

***Джати*-«секты».**

Особое место занимают *джати*, имеющие в своей основе группу последователей святых людей и религиозных учителей *гуру* (guru), *свами* (swāmī), *сант* (sant), учения которых характеризуются особенностями культовой практики и доктрины. Часто

это небрахманические и даже антибрахманические учения, созданные религиозными реформаторами и народными пророками и святыми. Они носят аутентичное название *сампрадая* (*saṃpradāya*), и это «традиция, сфокусированная на отдельном божестве, часто региональная по характеру, в которую ученик инициируется своим гуру» [Flood 1996: 134]. Гуру (если он не является создателем собственного учения) стоит в линии учительства *парампара* (*param-para*), которая идет от отца-основателя учения или от самого особо почитаемого центрального божества.

Модель учительской общины хорошо известна еще со времен первых джайнских и буддийских общин. Эти доктринальные и культовые сегменты индуизма, которые обычно называются «секты», вполне удобно называть термином «деноминация». Они становятся фактором «равенства-братства по судьбе» и приводят к формированию новых и воспроизводству уже существующих капсулированных социальных сегментов. Каждый такой сегмент представляет собой группу последователей вероучения конкретного учителя и воспроизводится по законам организации *джати*. Они по форме ничем не отличаются от других *джати*, хотя являются в некотором смысле «искусственными», абсолютно повторяя в своей квазиплеменной форме *готры* и *джати* брахманов. Кроме того, многие общины столь массовые, что в них легко прорастает прежнее кастовое деление. Многие секты *бхакти* не допускали инициацию «нечистых» групп; некоторые позволяли стать своими гуру только людям брахманского происхождения. Традиция учительства в индийской культуре имеет значение верификации учения. Некоторые учителя могут требовать от своих последователей соблюдения целибата — тогда мы имеем дело с аскетическим орденом. Иные могут включать в свой состав «домохозяев» и женщин, представителей разных кастовых групп, и подобных *гхарбари сампрадая* (*gharbarī saṃpradāya*) тоже много.

Аскетический орден в индуистской традиции — это добровольная ассоциация отшельников, которая присоединяет новых членов как учеников тех гуру, которые уже принадлежат к ордену. Новые члены в ордене появляются не по праву рождения от его представителей, как в обычной *джати*, а через инициацию. Инициация в орден повторяет рисунок брахманического обряда *упанаяна* (*upanayana*) и обретения *готры* и *правара* с той только разницей, что обряд проводится для «недваждырожденного». Кандидат в любой индуистский орден во время инициации полу-

чает идеальную секретную ритуальную формулу, или мантру божества этого ордена, типологически единую с *правара* брахманов. Человек, который передает эту формулу иницилируемому, является гуру новопосвященного. Некогда он в свою очередь получил знание от своего гуру, и так далее в глубь поколений, вплоть до основателя ордена, который также получил его от своего гуру, через него традиция восходит к самому богу — например, к Раме. Поэтому организация ордена определяется связями между гуру и учениками и поддерживается во времени постоянным инициированием новых членов. Так формируется духовная линия передачи традиции ордена, и это аналогия передаче школы ритуала в брахманической *готре*. В социальном плане целибатные ордены структурируются как кланы псевдородственников и называются *кула*; они повторяют модель формирования брахманской *готры*. В своих внешних социальных связях орден ведет себя как кастовая общность, имеющая свою профессию, в той степени, как им самим это удобно и нужно для налаживания отношений с соседями-обывателями.

В тех случаях когда речь идет о линиях учительства, включающих домохозяев и их семьи, они структурируются как *джати*: главным маркером статуса такой *джати* становится ее принадлежность к конкретной линии учительства. «Принадлежность к *сампрадая* может быть предписана фактом рождения в *сампрадая* отца или вступлением в ряды учеников определенного гуру. Но и тогда дети этих последних в принципе должны пройти инициацию в общину, если пожелают в ней состоять; нередко это простая формальность» [Klostermaier 1989: 164]. К. Фуллер отмечает: «Можно представить себе два идеальных типа (общин): идеальная каста, вступление в которую обусловлено исключительно рождением, и идеальная секта, в которую вступают исключительно присоединением. Все секты или варианты культа, которые выросли в рамках индуизма, выглядят так, будто они первоначально формировались присоединением по своей воле» [Fuller 1991: 202]. Однако ситуация более сложная. Живущие в миру сторонники *сампрадая* не отказывались от своих *джати* и варновых статусов. Они оказывались в составе «секты» по традиции семьи, через своих *гуру*-наставников. Даже многие целибатные ордены принимают таких женатых домохозяев в свой состав: они приезжают и живут какое-то время в обители, получая наставление, внося свой вклад в благополучие общины и т. д.

Даже в самых строгих и закрытых орденах постоянно находится немалое количество мирян-почитателей, которые селятся тут временно на правах трудников.

Есть ордены направлений *шайва* и *вайшнава* (шиваитские и вишнуитские); почитание Шивы и Вишну может быть и санскритским, и несанскритским. Соответственно в направлении *вайшнава* это будут высшие санскритские традиции *бхакти* (последователи Рамануджи, Мадхвы и Чайтаньи особенно) и разнообразные *бхакти сампрадая*, которые основаны народными пророками и в отличие от первых не сосредоточены на разработанных учителями-философами догматических или метафизических положениях: они предлагают особый путь служения Богу и некое несложное морализаторское этическое учение, например, *кабирпантхи* (Kabīrpanthi). И те и другие могут предлагать аскетический путь *вайрагья*. Для орденов направления *шайва* основой являются санскритская текстовая традиция *шайва сиддханта* (Śaivasiddhānta) или несанскритское почитание грозных ипостасей Шивы и Шакти. Шива — самый главный отшельник, великий *тьяги* (tyāgi), поэтому практикующие йогу и тантру шиваитские аскеты-*санньяси* развили самые изощренные традиции почитания и самого Шивы, и грозного ужасного Рудры. Среди первых — *вирашайва* (Vīraśaiva) и *паишупата* (Pāśupata), среди вторых — *каламукха* (Kālāmukha) и *капалика* (Kāpālīka). Последние практикуют такие обряды и такой образ жизни, что рассказывать об этом не совсем приятно, да и не знают исследователи этих неудобных подробностей во всей полноте. Шиваитские ордены практически все целибатные и не принимают мирян.

Респектабельные формы шиваитского аскетизма связаны с именем гениального Шанкары и основаны на санскритской *веданте*. Шанкара жил в VIII в. н. э. и основал орден монахов, который со временем дал десять сект, которые существуют до сего дня. «Начиная со времен Шанкары то почтение и восхищение, которое в народе было направлено на буддийских монахов и учителей, повернулось в сторону его немногочисленных последователей. Эти монахи *веданты* имели некоторые такие качества, которые были очень привлекательны и заслуживали почтения и восхищения. Шанкара настаивал, чтобы они действительно отказались от всего, не только от семьи и имущества, они должны даже отказаться от брахманской гордыни. Это был первый проповедник *веданты*, который настаивал на том, чтобы его ученики не

носили священный шнур “дваждырожденных”. <...> В равной степени важными для этого учения были нефилософские гимны, которые он или его последователи создавали для своих бродячих монахов, гимны, которые воспевают со страстью свободу и единство человечества. Для монахов, которые пели гимны *веданты*, освобождение *мокша* означало прежде всего свободу от ритуала, свободу от социальных связей» [Ingalls 1958: 214]. В ордене шанкаритов принимаются только «дваждырожденные», и они проходят глубокую интеллектуальную подготовку. Во время инициации шанкариты получают имена, оканчивающиеся на лексему *-ананда* «блаженство, удовольствие» (Вивекананда — «находящий удовольствие в знании особенного», Даянанда — «удовольствие в доброте» и т. д.). Они ходят в одеждах цвета охры. Для защиты собственного ордена и его монастырей уже в ранний период своего существования шанкариты создали отряды аскетов-защитников, неодетых и вооруженных трезубцами *дашанами нага* (Daśanāmi nāga), которые вступали в противоборство с подобными отрядами вишнуитских орденов *чатурсампрадая нага* (catursaṃpradāya nāga) и иными обидчиками. У шактов-тантриков не менее 12 *сампрадая*, и они распадаются на группы правой и левой руки. Самые известные тантрики — так называемые *канхата йоги* (Kānpḥāṭa Jogī, букв. «йоги с рваными ушами»).

Почитание самого Вишну в *бхакти сампрадая* — редкость: обычно объектами мистического поклонения становятся Кришна и Рама. Последователи Рамануджи *шривайшнава* — одна из четырех основных традиций вишнуитской *бхакти*, к которой относятся также учения Мадхавы (*Брахмасампрадая*), Валлабхи (*пушти-марг*) и Нимбарки. Последователи Чайтаньи относятся к *Брахмасампрадая*, хотя очень разрослись и развились. Вайшнавизм в целом сформировался на основе пуранической религии как конгломерат учительских традиций. Чайтанья основал бенгальскую традицию почитания Кришны и Радхи, ныне преобладающую в Бенгалии, Ориссе и Вриндаване-Матхуре, на родине бога Кришны. В Махараштре объектом поклонения бхактов стал культ Витхобы, на севере Индии большим влиянием пользуется аскетический орден *Рамананди*. Общинный центр традиции *шривайшнава* находится в Шрирангаме. Вишнуиты-аскеты называются «вайраги».

Последователи Рамананды (родился около 1300 г.) входят ныне в крупное религиозное объединение *шрисампрадая*

(Śrīsampradāya). Они почитают Ситу и Раму, в ученики принимают мужчин и женщин из всех варн. Рамананда имел 12 учеников, и они создали подсекты. У них сотни религиозных центров, где обитают очень активные и пылкие, часто неграмотные почитатели Ситы и Рамы. К своему имени при инициации они добавляют окончание *-dāsa* (*-dāsa*), поэтому называются также Рамдаси. В ордене Рамананди развилась сложная внутренняя структура, которая частично определяется его взаимоотношениями с окружающим кастовым обществом. Внутри ордена есть разделение на две линии: отказавшиеся от мира аскеты и миряне, и они претендуют на превосходство друг над другом. Среди отшельников организация *джати* не имеет никакого значения, а среди мирян имеет, несмотря на антикастовую направленность учения. Учение Тулсидаса, который, как считается, входил в орден Рамананди, — главный источник догматической традиции ордена. *Садху* ордена Рамананди состояли в вооруженных монашеских корпорациях, возглавляемых брахманскими отшельниками. Они были особенно активными в XVIII–XIX вв., и не только как воины веры, но и как торговцы, наемные солдаты и духовные наставники учений *бхакти*. Сегодня многие *чамары* присоединяются к этому направлению *бхакти* и верят, что Рамананда и сам был *чамаром*.

Последователи Валлабхачарьи отличались возвышенными формами почитания Кришны, своей приверженностью к роскошному эстетичному культовому и бытовому антуражу, великолепной кухней и воспеванием мирской жизни домохозяина.

Типологически сходная ситуация наблюдается в случае обращения индийских *джати* в христианство. «Когда индуист присоединяется к новому культу, он сохраняет полученную по рождению касту, и его статус остается неизменным. Например, протестантские церкви Кералы считаются низкими по статусу потому, что в их состав вошли в основном выходцы из “неприкасаемых”. Но если в них состоят люди высокой по происхождению касты, христианские общины низкими не считаются» [Fuller, 1991: 203]. Хотя дети сирийских христиан скорее всего будут крещены как сирийские христиане, они могут свободно менять свои верования позднее и присоединиться к другой деноминации. Такие случаи нечасты, но и нередки. Можно сказать, что христианство рассматривается как новая кула-дхарма крещеной касты, которая воспроизводится как своеобразная *сампрадая*.

В научной литературе обычно предполагается, что с течением времени любой орден или учительская традиция трансформируются в «касту», которая имеет признанное место в иерархии и воспроизводит себя только путем рождения детей ее представителями. *Лингаиты* (Liṅgāyat), или *вирашайва* (Vīraśaiva), часто отмечаются как пример этого типа. Движение лингаитов, насчитывающих ныне не менее 6 млн. человек, возникло как новая большая религия, атакующая индуизм, в Карнатаке в XII в., когда в Индии уже стало заметным мусульманское влияние. В определенном смысле она является монотеистическим вариантом радикального шиваизма, в параллель радикальному монотеизму ислама. «Лингаиты как реформаторское движение отменили кастовые различия, брахманический ритуализм, Веду, организовывали общественные работы на благо общины, перестали кремировать умерших и стали их погребать — и это тоже под влиянием ислама. Они отвергали учение о ритуальной нечистоте в той форме, как оно закрепилось в индуизме, учили, что проявления физиологии человеческого организма не оскверняют человека, и т. д.» [Klostermaier 1989: 286]. Они почитают естественную физическую, а не ритуальную, чистоту. *Лингаиты-поэты бхакты* в X–XII вв. писали на языке каннада о всепоглощающей преданности Шиве, и это было антибрахманическое учение; они протестовали против кастовых обычаев и брахманических суеверий, против идолопоклонничества, ведических жертвоприношений — все это и критиковалось, и осмеивалось. У *лингаитов* не получилось создать братскую общину без кастовых отличий, они создали параллельную кастовую систему во главе с *ачарьями*-наставниками и жрецами-*джангама* (Jaṅgama). У них сложилась своеобразная церковная организация, в которой высшая каста — это безбрачные служители культа. В Южной Индии *лингаиты* претендуют на равный с брахманами статус и даже выше, и самые ортодоксальные из них не едят пищу, приготовленную брахманами, чтобы показать превосходство своего статуса [подробнее см.: Dumont 1988: 187–191; Mandelbaum 1970: 524–544].

Сикхизм (XVI в.) в религиозном и социологическом смысле представляет собой *бхакти сампрадая* и коллектив ее последователей. Со времени проповеди гуру Нанак сикхизм отвергает необходимость в жрецах и служителях культа. Лениность и неискренность йогов и аскетов, лицемерие жрецов и брахманов, неравенство в экономическом положении, накопление богатств стави-

лись сикхскими гуру в один недостойный ряд. Гуру Гобинд Сингх дал в высшей степени выразительный образ аскета — тот «стоит целыми днями на одной ноге, как цапля посреди болота, и только и делает, что высматривает себе на еду своими вроде бы закрытыми глазами лягушек, квакающих вокруг». Гуру учили, что богатства должны быть справедливо распределены между людьми: «Богатства Бога предназначены для всех, а некоторые стремятся захватить их себе»; улучшить ситуацию в некоторой степени могло требование церковной десятины. Сикхские гуру приложили много усилий к искоренению всевозможных предрассудков и веры в предзнаменования, широко распространенных в индийском обществе. Настоящая нечистота, говорили они, — та, что засоряет ум и сердце, и она не связана с физическими субстанциями, а лежит в забвении Бога. Гуру Гобинд Сингх сказал мудрые слова: «Некоторые почитают камни и носят их на своей голове, некоторые почитают фаллос и носят его изображение на нитке, как ожерелье, некоторые считают, что их бог обитает на юге, другие преклоняют голову на запад. Некоторые почитают идолов, другие заняты тем, что поклоняются мертвым, вознося им молитвы. Так мир занят фальшивыми ритуалами, а тайны Бога до сих пор не познаны». Сикхизм предложил свой путь деятельного высокоморального служения Богу — в простоте будних дел, в высокоморальном служении созданиям Бога. Сикхская община превращается в этноконфессиональную общность и также структурируется по типу организации *джати* [см.: Успенская, Котин 2007].

Пятые *аварна* («неприкасаемые», «зарегистрированные касты»).

Джати, относящиеся к категории «зарегистрированных», стоят вне четырех варн. «Неприкасаемые» составляют часть общества, которая находится в самом низу кастовой иерархии. В индийском традиционном контексте особого слова для обозначения этого слоя каст не существовало, и это показательно. Английский термин «outcaste» (калька для *аварна*), вошедший в Конституцию Индии, «неверен по сути, так как ни один индуист не живет без касты и не находится вне касты, даже если он не состоит в одной из четырех варн» [Randeria 1990–1991: 300]. Все современные термины — *хариджан*, *далит*, «зарегистрированные касты», «угнетаемые классы» — говорят о высочайшей политизации проб-